

Ли Янь очнулся лишь спустя два дня.

Учитывая молодость Сюй Муфаня, он должен был прийти в себя сразу после операции, но при осмотре выяснилось, что парень голодал целые сутки, да еще и был жестоко избит перед началом событий. Даже самый крепкий организм требует времени на восстановление.

Когда он открыл глаза, рядом был только дядя Чжун. Он сидел у постели и читал газету. Заметив, что Сюй Муфань очнулся, он на мгновение удивился.

— Господин Сюй, вы пришли в себя. Подождите немного, я позову врача.

Ли Янь бессильно взглянул на него, а затем окинул взглядом палату. Его ноги были подвешены, в нижней части тела ощущался холод, а при малейшем движении из онемевшего паха начинала сочиться боль.

Когда пришел врач, сознание Ли Яня прояснилось, и от боли в послеоперационных швах его бросило в холодный пот.

— Дайте ему еще обезболивающего, — распорядился дядя Чжун.

Врач ловко провел осмотр и вставил дренаж. Как бы ни был силен Ли Янь, он не смог сдержать крика.

В конце концов, по требованию дяди Чжуна, врачи установили ему помпу для подачи обезболивающего, предупредив, чтобы он не злоупотреблял ею во избежание побочных эффектов.

После ухода врача дядя Чжун позвонил Мо Шаотяню:

— Молодой господин, он очнулся... Хорошо, я понял.

Он поднес телефон к уху Сюй Муфаня и бесстрастно произронил:

— Молодой господин хочет поговорить с вами.

Раздался голос Мо Шаотяня:

— Сюй Муфань, очнулся?

Ли Янь, стиснув зубы от боли, спросил:

— Что с Бай Цзянем?

— Твоими молитвами, ему больше не нужно сопровождать Сэньчуаня.

Ли Янь с облегчением выдохнул — его страдания не были напрасными.

— Отдыхай, позже заеду проведать, — голос Мо Шаотяня звучал неожиданно мягко.

Однако Ли Янь больше не питал иллюзий насчет того, что этот человек может быть добрым. Такая нежность — лишь отношение к послушному питомцу. Стоит ему снова показать зубы и когти, как Мо Шаотянь опять превратится в безумца.

Ли Янь не видел, как выглядит его тело снизу, но понимал, что дела плохи. Дядя Чжун не отходил ни на шаг, присматривая за ним, словно за заключенным.

Под действием обезболивающего боль притупилась, и у Ли Яня появились силы размышлять о другом. Раз уж он сделал этот самый постыдный шаг, он обязан извлечь из ситуации максимальную выгоду.

Ли Янь попросил у дяди Чжуна финансовые газеты и журналы. К своему удивлению, он прочел новости о том, что Тяньхэ начал распродавать земельные участки. Приглядевшись, он увидел, что его бывшие подчиненные один за другим подают в отставку, а новый руководитель Чи Янь приостановил все девелоперские проекты, переключив внимание на инвестиции в индустрию развлечений.

Заголовок Тяньхэ: недвижимостъ или развлечения? — отозвался болью в сердце Ли Яня. Неужели Чи Янь решил реорганизовать компанию? Кто позволил ему это сделать!

Это было дело всей жизни его отца, и пусть компания не была гигантом, но в нее была вложена вся их душа. И вот из-за того, что он сам однажды поддался искушению, в дом впустили волка, который теперь губит компанию.

Ли Янь сохранил невозмутимое лицо, вернул газету дяде Чжуну и произнес:

— Я хочу посмотреть телевизор.

Дядя Чжун понятия не имел, что у того на уме. Он ожидал, что этот маленький актер будет устраивать истерики и пытаться покончить с собой, но никак не думал, что у него хватит духу развлекаться. Дядя Чжун не скрыл своего презрения, подумав про себя, что в шоу-бизнесе все такие. Тем не менее, Мо Шаотянь приказал выполнять все разумные просьбы Сюй Муфана, кроме попыток побега или выписки. Дядя Чжун скривился, нажал кнопку питания и протянул пульт.

Ли Янь сначала переключил на финансовый канал — содержание мало отличалось от газет. Затем он переключил на канал о развлечениях.

Ведущие развлекательных шоу говорили преувеличенно манерно. Ли Янь, набравшись терпения, послушал их немного и увидел репортаж о Цзян Хуэе.

— Недавно на канале А с огромным успехом прошел сериал режиссера ХХ «Ты с Марса». Исполнительница главной роли, всеобщая любимица Чжун Линцяо, как всегда, блистала в своем милом образе, число ее фанатов-мужчин удвоилось. А другой исполнитель главной роли, новичок Цзян Хуэй, сыгравший генерала Сая, благодаря своей яркой внешности и выдающейся игре также завоевал сердца множества поклонниц...

На экране показали отрывок из сериала, а затем кадры со съемок другого шоу. Шел проливной дождь, но десяток фанатов, возбужденно окружив дорогу, ждали кумира. Цзян Хуэй вышел из машины, ослепительно улыбаясь, и помахал им, словно идеальный кумир. Девушки завизжали от восторга, на площадке воцарился хаос.

— Ну-ну, я же говорила, фанаты должны не только любить своих кумиров, но и беречь себя, верно? — пропела ведущая, чей тон скорее поощрял, чем предостерегал.

Затем передача перешла к следующим новостям.

Ли Янь с мрачным лицом переключил еще несколько каналов, останавливаясь на развлекательных программах. По иронии судьбы, снова попал на Цзян Хуэя.

Похоже, это была какая-то вечеринка по случаю успеха. Цзян Хуэй, лучезарно улыбаясь, сидел перед десятком микрофонов.

— Ходят слухи, что у вас с Чжун Линцяо тайный роман, это правда?

Цзян Хуэй обнажил зубы в улыбке:

— Линцяо очень милая и настоящий профессионал. Мы все ее любим, работать с ней — одно удовольствие.

— Значит, вы уже встречаетесь? — не унимался репортер.

Стоявший рядом агент Сяо Мо вмешался:

— Давайте на этом закончим обсуждение слухов. Просим вас уделить больше внимания самому сериалу.

— Тогда скажите, Цзян Хуэй, рассматриваете ли вы новые сценарии? Есть ли мысли насчет жанра следующей работы?

Цзян Хуэй улыбнулся:

— Да, мы уже готовимся к съемкам. Это будет историческая драма о периоде Республики.

— Можете приоткрыть завесу тайны?

— Ха-ха, пока это секрет.

В конце концов вся группа поклонилась, интервью закончилось.

Ли Янь пролистал еще несколько каналов, после чего изможденно откинулся на подушки. Он не заметил, как долго смотрел телевизор, и действие обезболивающего закончилось. Острая, невыносимая боль хлынула подобно приливу. Но он не хотел нажимать кнопку — он хотел чувствовать эту боль.

Чем сильнее была боль, тем яснее становились мысли.

С момента его перерождения прошло почти два месяца. Враг находится в той же компании, но пропасть между ними — как между небом и землей.

Вскоре после того, как он лег, пришел Мо Шаотянь.

Он был в безупречно сидящем костюме с галстуком. Мо Шаотянь широкими шагами подошел к краю кровати. С того ракурса, под которым смотрел Ли Янь, его ноги казались необычайно длинными и прямыми.

Мо Шаотянь сел на стул, слегка улыбнулся и мягко спросил:

— Муфань, как ты себя чувствуешь?

В этой сцене было столько нежности, словно он пришел провести возлюбленного, и вчерашняя ярость словно стерлась из памяти. Ли Янь не мог представить, как тот умудряется так быстро менять маски. Сам он улыбнуться не мог, лишь закрыл глаза, измученный болью.

Мо Шаотянь изменился в лице, собираясь вспылить, но его взгляд упал на помпу в руке парня. Он понял, что после вчерашних событий Сюй Муфаню должно быть невыносимо больно, поэтому снова смягчился:

— Муфань, если будешь послушным, я буду с тобой нежен. Дядя Чжун сказал, что ты весь вечер смотрел развлекательные программы. Соскучился по съемочной площадке?

Ли Янь даже не поднял головы. Ему казалось, что, как только Мо Шаотянь вошел, раны внизу отозвались еще большей болью, словно узнав своего мучителя. Пришлось стиснуть зубы, чтобы сдержаться.

— Ничего страшного. Когда выпишешься, я приостановлю твои тренировки и устрою тебе совместные сцены с Цзян Хуэем, хочешь? У него скоро новые съемки, пусть он тебя поднатаскает, — Мо Шаотянь говорил словно сам с собой. Почувствовав, как тело Сюй Муфаня напряглось, он усмехнулся: — Обрадовался?

Услышав имя Цзян Хуэя, Ли Янь резко открыл глаза и ошеломленно уставился на Мо Шаотяня:

— Ты сказал... дать мне играть с ним? — голос его звучал хрипло, словно он только что выбрался из пустыни.

Мо Шаотянь налил воды и небрежно бросил:

— Это же наша сделка, разве нет? Пока ты послушен, таких шансов будет предостаточно.

Ли Янь, чьи руки были спрятаны под одеялом, вцепился в простыню. Помолчав, он понуро закрыл глаза.

Через несколько минут он почувствовал, как рука Мо Шаотяня с мозолистыми пальцами пробралась под одеяло, нащарила его руку и вытащила наружу. На запястье стало прохладно.

Ли Янь открыл глаза и увидел на своем запястье часы.

— Новая модель IWC. Нравится?

Мо Шаотянь аккуратно застегнул ремешок и приподнял его руку, чтобы показать подарок.

Это были роскошные часы: корпус из 18-каратного розового золота, посеребренный циферблат, темно-коричневый ремешок из кожи аллигатора Santoni, раскладывающаяся застежка из розового золота и выпуклое сапфировое стекло с антибликовым покрытием.

Запястья у Сюй Муфаня были тоньше, чем у других мужчин, поэтому Мо Шаотянь специально выбрал мужскую модель с узким ремешком, которая смотрелась идеально.

— Не нравятся? — видя, что Ли Янь никак не реагирует, молодой господин Мо почувствовал

легкую обиду. Раньше, когда он дарил подарки, дети приходили в восторг и осыпали его поцелуями. Сюй Муфань сейчас ранен, и он не ждал того же, но хотя бы вежливую улыбку можно было показать.

Ли Янь не разбирался в дорогих часах — в прошлой жизни он носил часы стоимостью в несколько тысяч — и не знал, как ответить на такой подарок.

— В следующий раз выберем другие, — Мо Шаотянь снова расплылся в улыбке. Он всегда был щедр к своим питомцам, при условии, что они не выпускали когти и не злили его.

В голове Ли Яня мелькнула мысль. Помолчав, он слегка улыбнулся:

— ...Нравятся.

Мо Шаотянь на несколько секунд опешил, а потом рассмеялся:

— Похоже, урок пошел тебе на пользу, стал куда покладистее.

Сказав это, он с удовольствием погладил гладкую щеку Сюй Муфани и потянулся к его губам.

Он хотел поцеловать подбородок — Ли Янь слегка приподнял голову. Он хотел поцеловать губы — Ли Янь приоткрыл рот, отвечая на поцелуй робко, но страстно.

Мо Шаотянь, не отличавшийся тонкой душевной организацией, не стал задумываться о перемене в поведении парня. Он решил, что окончательно укротил его, и, довольный собой, целовался все яростнее, пока оба не начали тяжело дышать.

Когда они отстранились, между губами потянулась тонкая нить слюны. Мо Шаотянь, в котором еще оставалась капля человечности, не набросился на него сразу, хотя был уже в полном возбуждении.

Говорят, когда мужчина максимально возбужден, его сердце становится мягче. Самое время о чем-то просить или договариваться.

Ли Янь, обдумав несколько вариантов, мягко произнес:

— Я хочу увидеться с Бай Цзянем.

На лице Мо Шаотяня отразилось недовольство, но атмосфера была «хорошей», и он не хотел злиться. Он терпеливо спросил:

— Черт, кто он тебе такой? Я — твой мужчина!

— ...Я просто считаю его младшим братом. Давно его не видел, а в больнице так скучно.

Сюй Муфань посмотрел на него своими невинными, жалобными глазами. Мо Шаотянь холодно хмыкнул:

— Ладно, разрешаю встретиться.

<http://bllate.org/book/19571/1919328>